

УДК 94(47) «1916-1917»

**В РУССКОМ ПЛЕНУ: ПРАВОНАРУШЕНИЯ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ
И ГЕРМАНСКОЙ АРМИЙ
(Московская губерния, 1916–1917 гг.)**

Соза Лилия Нисоновна

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры отечественной и всеобщей истории
Государственного образовательного учреждения высшего
образования Московской области «Государственный
социально-гуманитарный университет»
(г. Коломна, Российская Федерация)

Первая мировая война сопровождалась невиданными ранее людскими потерями. К числу ее жертв справедливо относятся и попавшие в плен более 8,5 миллионов воинов солдат враждующих армий. Для этих людей плен стал источником моральных и физических страданий и явился серьезным испытанием на выживание вдали от Родины, в незнакомой и чуждой среде.

Обследование фондов Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГА Москвы), а именно Коломенского полицейского управления (ф. 492), Можайского полицейского управ-

ления – Ф. 493 и Бронницкого уездного воинского начальника (ф. 1044), позволило выявить и впервые ввести в научный оборот материалы о нахождении военнопленных на территории Коломенского, Можайского и Бронницкого уездов. В указанных источниках содержатся сведения о количестве военнопленных в 1916–1917 гг., их национальном и конфессиональном составе, приведена статистика использования на различных видах работ, а также свидетельства о побегах, уклонения от работ.

Правовой статус военнопленных, находившихся на территории Российской империи, определялся «Положением о военнопленных» от 7(20) октября 1914 г., основу которого составили основные принципы Гаагской конвенции 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны». Согласно документу, с военнопленными надлежало обращаться как с законными защитниками своего отечества, человеколюбиво. Они (за исключением офицеров) могли быть привлекаемы к разным казенным и общественным работам сообразно с их чинами и способностями. Эти работы не должны были быть изнурительными и иметь отношение к военным действиям. Военнопленным разрешалось носить их формульную одежду (без воинских отличий), белье, обувь [1, ст. 2568].

Первые упоминания о нахождении военнопленных в пределах Коломенского, Можайского и Бронницкого уездов содержатся в отчетах уездных исправников и относятся к 1916 г. (более ранних источников выявить не удалось).

К этому времени в Коломенском уезде насчитывалось 893 пленны́х германской и австро-венгерской армий, при значительном преобладании последних [2, с. 100–106]. На территории Бронницкого уезда в начале 1916 г. размещалось всего 73 солдата австро-венгерской армии. Успешные действия русских войск на Юго-Западном фронте (в мае-июле) обусловили дальнейшее увеличение здесь военнопленных (особенно австрийцев и румын). Согласно отчетам полицейского исправника, наибольшее число военнопленных размещалось в пределах уезда в январе 1917 г. – 706 чел. (в 9,7 раза от первоначального количества). Численность пленны́х не оставалась постоянной (вследствие их внутригубернских перемещений или отправки за пределы Московской губернии) и к июню немного сократилась – до 683 [3, с. 296–302]. В Можайском уезде в августе 1916 г. значилось 265 военнослужащих Четверного союза. Однако, в феврале 1917 г. в связи с кризисом в сельском хозяйстве, число пленны́х возросло до 518 чел. [4, л. 2, 34об.].

Национальный состав военнопленных был достаточно разнообразен. В списках значились: мадьяры, румыны (католики, православные), словаки, венгры, австрийцы, поляки, хорваты, чехи, немцы (католики, евангелисты), евреи, итальянцы, украинцы.

Пленны́е австро-венгерской и германской армий использовались в сельском хозяйстве, на работах при железнодорожных станциях, промышленных предприятиях, при разгрузке топлива, а также привлекались Земской и Городской управами для местных нужд. Отметим, что на территории указанных уездов 51% военнопленных привлекался главным образом для нужд сельского хозяйства. В циркуляре начальника Московского военного округа, который поступил к губернаторам в марте 1916 г., отмечалось, что «с сокращением посевных площадей и создавшимся серьезным положением в сельском хозяйстве, все число трудоспособных военнопленных» необходимо было передать в Министерство земледелия «для обращения их на сельскохозяйственные работы» [7, л. 59]. Остальные пленны́е распределялись по видам работ следующим образом: 21% – в промышленности, 14% – на земских и городских службах, 12% – в угледобывающей промышленности.

В апреле 1916 г. МВД подготовило и направило на места «Правила выполнения сельскохозяйственных работ военнопленными», согласно которым «пленны́е обязаны начинать и кончать свои работы одновременно с русскими работниками; должны работать в дни своих праздников и в воскресенье вместе с остальными работниками». Правила предусматривали также наказание за небрежное отношение к работе и непослушание. В случае выявления подобного поведения пленный мог подвергнуться «аресту на хлеб и воду до 7 дней» или же арест заменялся «принудительными работами по праздникам, в то время, когда остальные рабочие отдыхают, считая по 2 часа такой работы за каждый день ареста» [5, л. 161–162].

Анализ источников позволил выявить основные виды правонарушений среди военнопленных: отказ от работ, самовольный

уход с работ, побеги. Пленны́е аргументировали отказ от работ следующими причинами: болезнью, несоответствующим питанием, отсутствием сезонной одежды. Так, в донесении пристава 2-го стана Коломенского уезда сообщается об аресте на 7 суток мадьяра А. Тишу, румын А. Колоуцу и Д. Кламповуза за отказ от работ на фабриках «Товарищества озерской мануфактуры С. Моргунова и братья Щербакковы», но «проведенный врачебный осмотр показал, что указанные лица являлись абсолютно здоровыми. В Бронницком уезде в июне 1916 г. находившиеся в имении княгини Е.Ф. Оболенской пленны́е румыны И. Гаш и К. Буй «категорически отказывались от работ, подстрекая с угрозами других пленны́х». Они мотивировали свой отказ плохой пищей, что при расследовании Бронницким уездным исправником не подтвердилось [4, л. 31, 38–39, 49].

В ряде случаев полиция все же признавала требования пленны́х справедливыми. Например, в имении Болычево Можайского уезда в декабре 1916 г. отказались от работ 47 пленны́х, требуя выдачи им теплой одежды и «улучшения продовольствия». В результате проведенного дознания приставом 2-го стана, выяснилось, что действительно «многие военнопленны́е не имели удовлетворительной по времени одежды, обуви и рукавиц» [6, л. 76].

Поводом к наложению различных взысканий становились грубость к хозяевам, драки, подстрекательства к побегу и невыходу на работы. Например, в Коломне пленный Ф. Филлер был подвергнут аресту на 7 суток с содержанием на «хлебе и воде», поскольку вмешивался в распоряжения огородника-владельца Лукичева и склонял находившихся у него пленны́х не выходить на работу. Аналогичное наказание было применено к австрийцу Г. Барана, который выразил протест против ареста трех военнопленны́х на фабрике вс. Озеры и «угваривал других военнопленны́х прекратить работу и не приступать до тех пор, пока не будут освобождены арестованные». В январе 1917 г. Бронницким уездным исправником подвергся аресту пленный Фройтцнер «за оскорбление на словах и действием и угрозу ножом заведующего мельницей», к тому же он «без всякого вызова со стороны заведующего стал швырять в него камни» [7, л. 9, 541]. В Можайском уезде на лесопильном заводе князя Ливена за уклонение от работ без уважительных причин и непочтительное отношение к заведующему (вплоть до рукоприкладства) были подвергнуты аресту на трое суток пленны́е германской и австрийской армий К. Крелс и Э. Фелькель [6, л. 20].

Серьезное дознание было проведено Коломенским полицейским надзирателем на цементном заводе по поводу отказа от работ хорвата В. Копетани, который не желал выполнять работу не по специальности. Пленный объяснил, что «он по специальности кузнец и в плену работал на заводе в кузнице и от работ никогда не отказывался»; теперь же от него требовалось «прочистить водоприемник, для чего необходимо было спуститься по веревочной лестнице и работать на полу в воде». К нарушителю были применены дисциплинарные взыскания, поскольку он демонстративно покинул завод и ушел в казармы, а на следующий день отказался выйти на работы в карьер. Исполняющий директор завода инженер В.И. Роллер заявил о необходимости применении к хорвату высшей меры наказания, поскольку его поведение «дискредитирует власть всего завода в глазах русских рабочих, а отказ от работ отдельных пленны́х крайне развращающе действует на всех остальных, от чего сильно страдает дисциплина» [4, л. 31, 38–39, 49].

Наряду с уклонением от работ, военнопленны́е неоднократно совершали побеги из частных хозяйств, предприятий и железнодорожных станций, к которым они были приписаны. Так, в мае 1917 г. начальник Бронницкой милиции сообщал о побеге пленны́х Б. Таута и И. Секрепиша, которые находились в распоряжении фабрики «Товарищество П. Матютина и Сыновья» и привлекались к работам по корчеванию пней [7, л. 355]. В октябре 1916 г. из казармы при ст. Пески в Коломенском уезде скрылся Ю. Стафонов. Зачастую беглецами становились пленны́е, которые по состоянию здоровья направлялись на лечение в Коломенскую городскую больницу, и, воспользовавшись этим, не возвращались в казармы (в связи с чем немедленно объявлялся розыск пропавших). Например, в январе 1917 г. не вернулся в казармы при станции Пески, отправленный на лечение в больницу Ф. Баинаки [5, л. 27–28].

Далеко не все находившиеся в плену были готовы безропотно переносить лишения и тяготы своего положения. Брон-

ницкий уездный исправник доносил о поимке румына Д. Попа, отказавшегося от работ и самовольно скрывавшегося в течение трех дней. В ходе дознания выяснилось, что пленный занимался пилкой дров в роще князя Оболенского, откуда и бежал; «по внешнему виду производил впечатление ненормального человека» и «страдал душевной болезнью». После врачебного освидетельствования Д. Попа председателем Московской постоянной врачебной комиссии было отдано распоряжение «о направлении пленного в психиатрическое отделение военного госпиталя, как страдающего душевной болезнью» [7, л. 75, 84, 138].

Для повышения борьбы с правонарушениями пленных в мае 1916 г. департамент полиции МВД издал циркуляр, согласно которому губернскому начальству предоставлялось право подвергать пленным простому аресту до одного месяца, строгому до 20 суток, а усиленному до 8 дней [6, л. 199]. Кроме того, меры для пресечения побегов предпринимались и на губернском уровне. Так, канцелярией Московского губернатора в июле 1916 г. было издано предписание об усилении надзора за пленными со стороны полиции. Согласно ему, полиция должна следить, «чтобы пленные в свободное от работ время не оставались без охраны и без надобности не выходили за границы занимаемого ими помещения», а в случае малейшего нарушения дисциплины «военнопленных надлежало подвергать строгим взысканиям, соразмеряясь с качеством поступка» [5, л. 194]. Однако, указанные меры не могли предотвратить побег. В январе 1917 г. канцелярия Московского губернатора была вынуждена признать слабую постановку надзора за пленными».

В усилении контроля за военнопленными были заинтересованы и владельцы промышленных заведений. На фабрике Т. Кацепова заведующий производством направил Коломенскому исправнику прошение о «выдаче разрешения на право покупки 3-х револьверов и 25 шт. патронов к каждому». Просьба была вызвана отсутствием охраны за пленными, которая осуществлялась 3-мя сторожами, «вооруженными ружьями центрального боя» [5, л. 260].

Таким образом, недовольство военнопленных принимало разные формы - от отказов от работы до побегов. Причины зафиксированных протестов были связаны с условиями труда и быта, а сами акции лишены каких-либо признаков массовости и организованности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 16 октября 1914 г. № 281.
2. Соза, Л. Н. Документы ЦГА Москвы о положении военнопленных Центральных держав на территории Коломенского уезда Московской губернии (1916–1917 гг.) / Л. Н. Соза // Вестн. Вятского гос. гуманит. ун-та. – Киров. – 2014. – № 11.
3. Соза, Л. Н. Военно-пленные Первой мировой войны в юго-восточных уездах Московской губернии / Л. Н. Соза // В поисках истины : сб. статей и воспоминаний памяти профессора Н. В. Блинова / отв. ред. В. В. Шелохаев. – М. : РОССПЭН, 2016.
4. Центральный государственный архив г. Москвы (далее ЦГА Москвы). – Ф. 492. Оп. 2. Д. 157.
5. ЦГА Москвы. – Ф. 492. Оп. 3. Д. 84.
6. ЦГА Москвы. – Ф. 493. Оп. 2. Д. 76.
7. ЦГА Москвы. – Ф. 1044. Д. 72.